

А.В. Симакова,

ведущий специалист Управления научных исследований, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.

A.V. Simakova,

head specialist of Research Directorate, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk.

E-mail: simakova@petrsu.ru

УДК 316.44

DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144

Миграционные намерения молодежи (пост) промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать?¹

*Youth Migratory Intentions at (Post) Extractive Arctic Mono-Industrial
Cities: Live or Leave?*

Дата поступления
21.03.2019

Дата препринта
30.05.2019

Дата публикации
27.06.2019

Аннотация: в статье представлены результаты оценки восприятия молодыми людьми, проживающими в арктических (пост)промышленных моногородах, собственных перспектив; выявлены общая мотивация, установки и ценности молодежи на жизнь, обучение и работу в родных городах. Результаты исследования показали, что во многих арктических (пост)промышленных городах уже запущен процесс диверсификации экономики, проводятся соответствующие реформы, для реализации которых необходима активная молодежь, готовая к решению задач по построению благополучной жизни.

Annotation: the article presents the results of assessing the perception of young people living in the Arctic (post)industrial single-industry towns, their own prospects; identified the overall motivation, attitudes and values of young people for life, education and work in their native cities. The results of the study showed that in many Arctic (post)industrial cities, the process of economic diversification has already been launched, appropriate reforms are being carried out, for the implementation of which active young people are needed, ready to solve the problems of building a prosperous life.

Ключевые слова: молодежь, миграция, Арктическая зона России, (пост)промышленный город.
Key words: youth, migration, Arctic zone of Russia, mono-industrial city.

Введение. Статус арктичности в соответствии с Указом Президента получили территории девяти регионов, которые полностью или частично вошли в состав Арктической зоны Российской Федерации (АЗ РФ) [22]. На территории АЗ РФ сосредоточены богатейшие природные ресурсы, полезные ископаемые, военные и промышленные стратегические объекты. Среди показателей стратегического развития выделяются ключевые направления мероприятий по развитию российской Арктики – «развитие приоритетных секторов экономики АЗ РФ, развитие опорной арктической инфраструктуры, развитие локальной арктической инфраструктуры жизнеобеспечения» [9; 17]. Эти направления затрагивают общие стратегические ориентиры развития арктического макрорегиона и локальную социально-экономи-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту Российского фонда фундаментальных исследований № 18-59-11001.

ческую проблематику. Арктические территории характеризуются резкой асимметрией социально-экономического развития – к Арктике относятся как передовые территории страны по уровню социально-экономического развития, так и депрессивные.

Население АЗ РФ урбанизировано – 89% относится к городскому [16]. Большинство арктических городов имеют моноотраслевой тип хозяйствования. Значительная часть моногородов получили статус «с наиболее сложным социально-экономическим положением» или «имеются риски ухудшения социально-экономического положения» [18]. При этом только 22,3% российских моногородов демонстрируют стабильное развитие [14]. Как отмечает В.С. Мартыанов, «почти все северные арктические поселения являются искусственно созданными моноотраслевыми городами, что обуславливает их уязвимость в открытой экономике» [8]. **Моноотраслевой тип** развития затрудняет диверсификацию сфер деятельности граждан, альтернативных вариантов развития рынков труда, образования, досуга, что является одной из основных причин оттока населения, особенно среди молодежи. Исследования арктических моногородов показывают, что эти территории «преимущественно демонстрируют регрессию по демографическим показателям: отрицательная динамика численности населения, усиливается миграционный отток и лишь в четверти моногородов зафиксирован естественный прирост населения» [13].

Удельный вес молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в общей численности населения в среднем по территориям АЗ РФ составляет 13,8%, в целом по Российской Федерации – 19,3% (рис. 1). Только в Арктической зоне Республики Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области каждый пятый житель – молодой человек. Доля молодежи существенно ниже российских показателей в Мурманской области, Ямало-Ненецком и Чукотском АО.

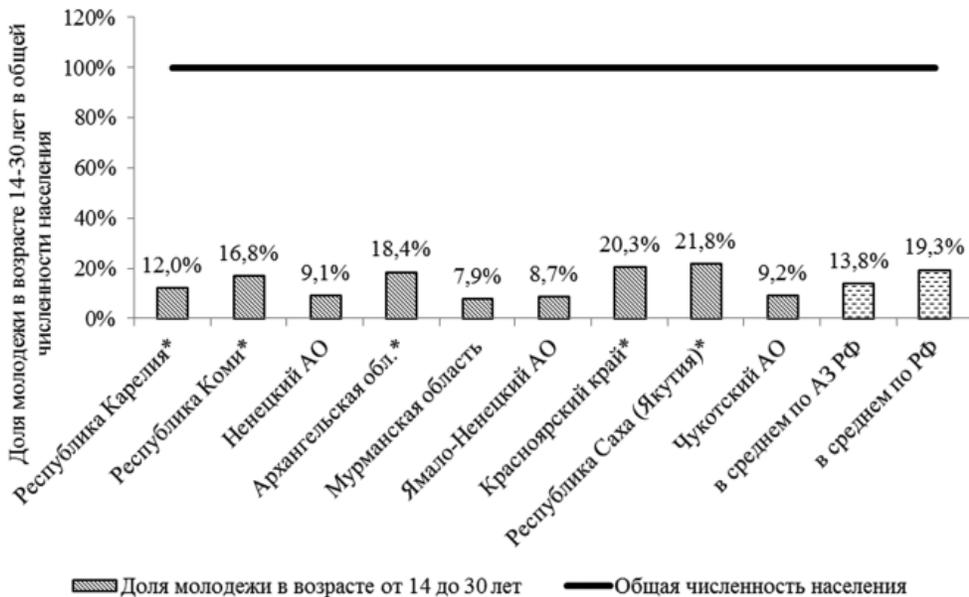


Рис. 1. Удельный вес молодежи в возрасте 14–30 лет в общей численности населения арктических регионов¹

Высокий потенциал миграционной мобильности молодежи АЗ РФ связан, с одной стороны, со спецификой самих арктических регионов – суровые климатические условия, отдаленность от центра, моноотраслевое развитие, а с другой – с особенностью молодежи как наиболее мобильной, социальной группы, готовой к реализации амбициозных жизненных задач. Для

¹ Примечание: *Для субъектов, входящих в АЗ РФ частично, указаны данные только по арктическим территориям.

молодежи характерно такое социальное явление, как риск. Риск является сущностным свойством молодежи, он возникает в связи с переходным состоянием молодости как жизненного цикла, реализуется в процессе инновационной деятельности молодых людей [19]. По словам Ю.А. Зубок, «активная, с новыми социальными посредниками включенность в глобальный мир, способность чувствовать, познавать и осваивать новые нарождающиеся социальные образцы (экономические, политические, культурные) не только придает ей динамизм, но и делает ее важнейшей движущей силой инновационного развития» [3]. При планировании развития стратегических территорий важно учитывать положение молодежи как социальной группы, которая будет занимать ведущее место в обеспечении этого развития.

Анализ миграционных потоков арктических регионов показал, что в большинстве субъектов, а также в целом по АЗ РФ, отмечается отрицательный миграционный прирост молодежи за исключением Красноярского края, Ямало-Ненецкого АО и Мурманской области. Если рассматривать все типы миграции в совокупности (внутрирегиональная, межрегиональная и международная), то большую часть составит *межрегиональный тип* – в основном молодежь выбывает в другие регионы России (табл. 1). Если сопоставить доли выезжающей и въезжающей молодежи из других регионов, то по межрегиональной миграции разница между ними мала: потоки выезжающей и въезжающей молодежи компенсируют друг друга. Каждый третий выезжающий из арктического региона и каждый третий въезжающий в него – это молодой человек в возрасте от 14 до 30 лет.

Таблица 1

Характеристика мобильности молодежи в возрасте 14–30 лет субъектов АЗ РФ

Наименование субъекта АЗ РФ	Миграционный прирост молодежи по всем типам миграции	Миграционный прирост молодежи по межрегиональной миграции	Доля межрегиональной миграции в общем выбытии молодежи по всем типам миграции	Доля молодежи в общем числе выбывших по межрегиональной миграции (выбывшие)	Доля молодежи в общем числе прибывших в регион по межрегиональной миграции (прибывшие)
Республика Карелия*	-141	-135	46,7%	40,2%	37,6%
Республика Коми*	-642	-557	85,7%	27,4%	30,9%
Красноярский край*	594	301	72,7%	32,1%	37,6%
Республика Саха (Якутия)*	-147	-26	28,9%	32,0%	34,6%
Архангельская область*	-409	-1401	45,1%	33,1%	36,6%
Ненецкий АО	-114	-124	47,9%	36,3%	32,2%
Мурманская область	624	275	63,1%	31,7%	38,4%
Ямало-Ненецкий ОА	253	292	65,6%	31,7%	35,2%
Чукотский АО	-126	-116	78,3%	29,0%	31,1%
Всего по АЗ РФ / в среднем по АЗ РФ	-108	-1491	61,6%	32,6%	34,9%

*Для субъектов, частично входящих в АЗ РФ, указаны данные только по арктическим территориям.

Из глубинки наиболее активно мигрируют люди в возрасте 17–19 лет по окончании средней школы [12], основная причина миграции – поиск возможностей получения образования и профессиональной реализации. Развитие АЗ РФ во многом зависит от восприятия молодого поколения собственных перспектив, их выбора продолжить жить в этих регионах. Однако в современной науке этот важнейший фактор для арктических регионов остается недостаточно изученным.

Методика. Для ответа на поставленный вопрос «Остаться или уехать?» проведен социологический опрос, задачами которого выступали оценка восприятия молодыми людьми, проживающими в арктических (пост)промышленных городах, собственных перспектив; выявление общей мотивации, установок и ценностей молодежи на жизнь. Основным признаком отбора территорий – статус и отраслевая направленность.

В настоящее время нет единого определения понятий «промышленный город» и «промышленный моногород». В рамках данного исследования **промышленный город** определен как населенный пункт, в котором имеется одно или несколько градообразующих предприятий, оказывающих влияние на экономическую и социальную составляющую функционирования городов, с чем связана вся жизнь города. «Промышленный город» или **«промышленный моногород»** являются родственными понятиями, особенность их разделения заключается в масштабах предприятия или наличием нескольких градообразующих предприятий, численности населения, отраслевой направленности экономики. Наличие приставки «пост» у данных категорий акцентирует внимание на том, что в этих промышленных городах и моногородах имеется фактическое ухудшение или риски ухудшения социально-экономического развития, связанные с функционированием градообразующего предприятия, что чаще всего касается перспектив истощения полезных ископаемых, производственных мощностей и т.п. В представленном исследовании делается акцент именно на (пост)промышленные моногорода.

Для исследования выбраны монопрофильные населенные пункты с «полярными» характеристиками развития – молодой город Новый Уренгой Ямало-Ненецкого автономного округа, выделяющийся стабильным экономическим ростом и благополучием, имеющий статус «газовой столицы России» [10]. В качестве «полярных» городов выбраны город Нерюнгри Республики Саха (Якутия), входящий в число монопрофильных городов, в котором «имеются риски ухудшения социально-экономического положения», и город Кировск Мурманской области, имеющий характеристику «с наиболее сложным социально-экономическим положением» [18].

Основа выборки – молодежь (пост)промышленных городов Арктики в возрасте от 14 до 30 лет включительно. Возрастной разброс обоснован тем, что молодежь как социальная группа гетерогенна, поэтому необходимо охватить и обучающуюся и работающую молодежь, отразить специфику на разных этапах взросления и становления личности в социальном и профессиональном контекстах. Нижняя возрастная граница 14 лет характеризуется тем, что к этому времени появляются права и социальные обязанности. Верхняя граница в 30 лет соответствует экономической самостоятельности, профессиональной и личностной стабильности индивида [6].

В исследовании применен метод многоступенчатой стратифицированной, квотной, на последней ступени случайной выборки по признакам: регион, тип населенного пункта, пол, возраст. Таким образом, достигается репрезентативность выборки структуре населения выбранных для изучения (пост)промышленных городов. На *первой ступени* проведено двухмерное сегментирование молодежи 14–30 лет, проживающей на территории (пост)промышленных городов, по полу и возрастным группам, внутри возрастных групп произведено сегментирование по полу как основному признаку расслоения. Из каждой страты отбор проводится пропорционально числу единиц наблюдения в генеральной совокупности. На *второй ступени* реализован отбор единиц наблюдения по полу и возрасту. Каждый уровень представлен в пропорциях, соответствующих пропорциям генеральной совокупности.

Опрос проведен случайным образом. В соответствии с указанными параметрами выборочного отбора в опросе приняли участие 436 человек. Для понимания полной картины исследования представим возрастную характеристику молодежи арктических промышленных городов, принявших участие в исследовании (рис. 2).

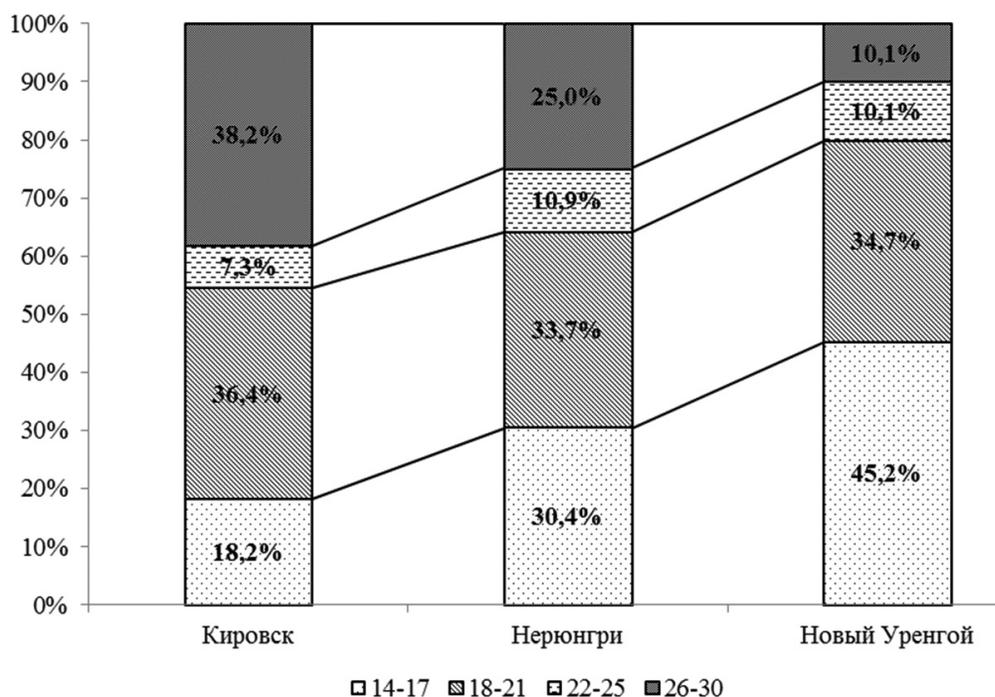


Рис. 2. Возрастное распределение респондентов в исследуемых городах, в % по городу

От общего числа опрошенных респондентов 45,4% являются жителями города Новый Уренгой, 42% – города Нерюнгри и 12,6% – города Кировска, т.е. выборочная совокупность распределена примерно поровну между «кризисными» промышленными городами и благополучным городом по социально-экономическим характеристикам.

Результаты.

Миграционные настроения молодежи арктических промышленных городов. Они различны в связи с этапами социального становления личности. Миграционные настроения чаще всего касаются возможностей получения образования, реализации в профессиональной сфере, такое решение оказывает влияние непосредственно на саму жизнь молодого человека и в целом на пространственное распределение человеческого капитала [4].

Большая часть молодежи арктических (пост)промышленных городов имеет намерения покинуть родной город: 68,5% молодых людей хотели бы уехать, еще 13,5% хотели бы уехать, но пока не имеют такой возможности, и только каждый пятый (18%) молодой человек планирует жить в родном городе. Если рассматривать сложившуюся ситуацию в разрезе возрастных групп, то миграционные настроения наиболее выражены в возрасте от 14 до 21 года (рисунок 3), что чаще всего касается образовательной миграции. Именно на возраст 15–19 лет приходится пик миграционной активности [11]. Образовательная миграция молодежи объясняется и тем, что в Кировске функционирует одна образовательная организация среднего профессионального образования, в Новом Уренгое и Нерюнгри – по три таких организации. Подготовка по образовательным программам высшего образования в этих городах не ведется. Следует отметить такую сторону образовательной миграции как **некомпенсируемость**: когда мигранты не возвращаются в родной регион после получения образования [20], что для арктических (пост)промышленных городов является угрозой в вопросах воспроизводства человеческого капитала [5]. Для молодежи арктических городов наиболее привлекательны мегаполисы и даже зарубежные страны, которые и являются центрами притяжения не только с точки зрения предоставления обширных образовательных услуг, но и более вы-

сокого уровня жизни. В исследовании И.С. Кашницкого, Н.В. Мкртчяна и О.В. Лешукова, доказано, что среди российских регионов наиболее привлекательны для молодежи мегаполисы, города с миллионным населением, регионы центра и юга европейской части России [4]. Мегаполисы характеризуются наличием множества городских агломераций и, как правило, население в них больше 10 миллионов человек, при этом статус миллионника город может получить, если численность постоянного населения превысит отметку в 1 млн человек.

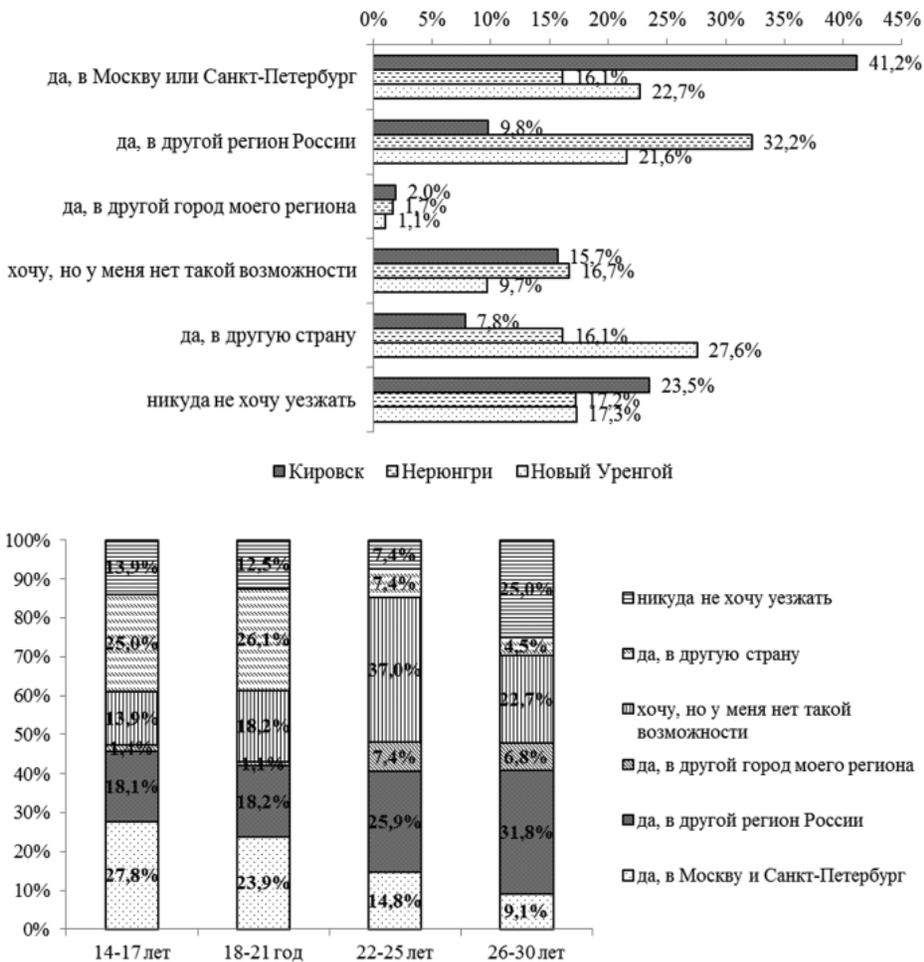


Рис. 3. Миграционные настроения молодежи арктических (пост)промышленных городов, в % по городу, в % по возрастной группе

К достижению возраста, когда профессиональное образование уже имеется (примерно к 22 годам), увеличивается и доля тех, кто ориентируется на другие регионы России, либо миграционные настроения переходят в «осознанные» желания – «хочу, но у меня нет такой возможности». В возрастном диапазоне 26–30 лет увеличивается доля тех, кто никуда не хочет уезжать – каждый четвертый респондент.

Какие же причины побуждают молодых людей задуматься о том, чтобы покинуть родной город? Каждый второй молодой человек отмечает, что в другом регионе есть возможность найти интересную работу (49,7%), получить заработную плату выше, чем в родном регионе (40,7%), продолжить учебу и профессиональное самосовершенствование (40,7%), а также посмотреть мир (44,7%).

Факторы, оказывающие влияние на миграционные настроения молодежи арктических (пост)промышленных городов. Миграционные намерения молодежи формируются под воздействием различных факторов. Молодые люди представляют социальную группу, которая в силу своей высокой мобильности не укоренена в конкретном месте проживания, поэтому решение о переезде дается легко. Миграционные потоки – наиболее заметное и легко фиксируемое проявление уровня общего благополучия города или региона. Они всегда направлены от менее благополучных территорий в более благополучные [1]. Основными причинами оттока молодежи из малых городов в современных отечественных исследованиях указываются невысокие доходы, отраслевая направленность рынка труда и прочие социально-экономические проблемы, свойственные глубинке.

Удовлетворенность жизнью является одним из интегральных показателей оценки внешней стороны жизни – удовлетворение статусным положением в обществе, материальным положением и другими достижениями [2]. На основе систематизации существующих подходов к изучению причин, влияющих на миграционную мобильность молодежи арктических промышленных городов, предлагаются следующие группы факторов, заложенные в инструментарий исследования:

- удовлетворенность сферами жизни (14 показателей);
- внутреннее состояние: счастлив ли человек в данный момент времени, удовлетворен ли своей жизнью (2 показателя);
- демографические характеристики;
- материальное положение (1 показатель);
- оценка социально-экономической ситуации в городе (1 показатель).

Социологическое значение применения факторного анализа заключается в сжатии набора данных в матрицу с меньшим числом переменных, которые отражают ту информацию, что и исходный набор данных. В основе такого анализа лежит посылка о том, что переменные являются косвенными проявлениями небольшого количества латентных факторов [15]. Для извлечения факторов применен метод главных компонент, позволяющий определить минимальное количество факторов, отражающих наибольшую дисперсию признаков. Из выявленных факторов для анализа использовано четыре фактора, объясняющих 73,7% общей дисперсии признаков, что является статистически значимым показателем. В предположении наличия корреляции между факторами использован метод вращения факторов «варимакс» с нормализацией Кайзера. По всем выделенным факторам наблюдается высокая факторная нагрузка.

Таблица 2

Итоговая матрица факторных нагрузок после вращения

Факторизуемые переменные	1	2	3	4
Удовлетворенность своей жизнью	0,355	0,104	0,766	0,035
Удовлетворенность уровнем доходов	0,824	0,197	0,035	-0,091
Удовлетворенность условиями жизни	0,719	0,312	0,153	0,079
Гарантия занятости / получения рабочего места	0,86	0,232	-0,0006	-0,127
Уверенность в будущем	0,728	0,39	0,174	-0,001
Удовлетворенность проведением досугом и отдыхом	0,173	0,799	0,227	-0,061
Удовлетворенность здоровьем	0,261	0,788	0,108	0,124
Удовлетворенность качеством медицинского обслуживания	0,345	0,708	-0,101	0,017
Удовлетворенность экологической обстановкой	0,259	0,751	0,035	-0,229
Уровень счастья	-0,079	0,066	0,873	-0,057
Пол	-0,076	-0,054	-0,029	0,975

Примечание: Значение статистики меры адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина после итогового отбора наблюдений – 0,858 (больше 0,5).

Первый фактор описывает 42,3% полной дисперсии переменных, отражает удовлетворенность молодежи личным социально-экономическим положением – уровнем доходов, условиями жизни, гарантией получения желаемого места работы и, как следствие, уверенностью в своем благополучном будущем (табл. 2). Исходя из природы показателей, фактор можно интерпретировать как «экономический». Заинтересованность молодых людей в высокой заработной плате и максимальной реализации своих профессиональных компетенций естественна, так как заработная плата – основной источник дохода современного человека, обеспечивающий большую часть жизненных потребностей, «это мера оценки обществом значимости, ценности и престижности труда» [7].

Второй фактор описывает 12% полной дисперсии переменных и имеет приемлемую статистическую значимость на уровне 0,7. Фактор отражает нагрузки на показатели удовлетворенности «досугом и отдыхом» – «здоровьем» – «качеством медицинского обслуживания» – «экологической обстановкой». Фактор можно интерпретировать как «социальный», характеризующийся уверенностью молодежи в своем социальном благополучии и безопасности.

Нагрузки **третьего фактора** распределились по показателям «удовлетворенность своей жизнью» (Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?) и «уровень счастья» (Как бы Вы охарактеризовали свое текущее внутреннее состояние – Вы счастливы?), т.е. субъективную оценку о внутреннем эмоционально-психологическом состоянии в текущий момент. Этот фактор характеризует 9,9% полной дисперсии.

Сочетание **первого и третьего факторов** определяет обобщенный показатель – социальное самочувствие молодежи, формируемое в процессе социального сопоставления возможностей для удовлетворения своих потребностей, реализации интересов с аналогичными возможностями других людей.

Четвертый фактор отражает нагрузки относительно пола респондентов, который является менее значимым и описывает всего 9,3% полной дисперсии. Примечательно, что из факторных нагрузок пришлось исключить фактор текущего материального благополучия в силу его статистической незначимости.

Для молодежи арктических (пост)промышленных городов важны безопасность, стабильность, при оценке сложившейся ситуации молодые люди опираются на собственные ощущения благополучия. Благополучие жизни в арктических городах во многом зависит от проводимой политики, имеющихся и потенциальных условиях социально-экономического развития, позиции местных властей, бизнеса, общественности и самих молодых людей. Необходимо ориентироваться на предоставление возможностей реализации основных ценностей молодежи арктических городов – это материальная обеспеченность (90,9% опрошенных), крепкая семья и реализация своих способностей (по 87,3% опрошенных).

Заключение. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. **С одной стороны**, в арктических регионах наблюдается отрицательный миграционный прирост молодежи, который связан с выбытием молодых людей в другие российские регионы. **С другой стороны**, отрицательный миграционный прирост частично компенсируется притоком въезжающих молодых людей из других российских регионов.

2. Поиск ответа на поставленный вопрос «Остаться или уехать?» показал, что у молодых людей арктических (пост)промышленных городов преобладают миграционные настроения – 82% опрошенных высказали прямое желание на переезд, а те, кто хотел бы, но пока не имеет возможности, настроены покинуть родной город.

3. Больше всего миграционные настроения выражены в возрасте от 14 до 21 года. На этом возрастном этапе миграционные настроения молодежи арктических (пост)промышленных городов чаще всего касаются образовательной миграции, так как в этих городах системой образования не предоставляется широкий круг выбора образовательных программ. Органам власти при планировании механизмов управления региональным человеческим

капиталом необходимо обращать внимание на такой ограничивающий феномен образовательной миграции как некомпенсируемость.

4. Среди факторов, оказывающих влияние на миграционные настроения молодежи арктических (пост)промышленных городов, основными являются экономический, социальный, удовлетворенность своей жизнью и гендерный.

5. Сохранение и приумножение численности населения в арктических (пост)промышленных городах является актуальным, многие арктические города имеют будущее даже в том случае, когда ресурсы полезных ископаемых, вокруг которых они построены, истощаются. Во многих (пост)промышленных городах уже запущен процесс диверсификации экономики, проводятся соответствующие реформы, для реализации которых необходима активная молодежь.

6. При условии наличия благоприятных социальных и экономических условий молодые люди ориентированы на жизнь в родном городе. Поскольку при оценке ситуации в городах молодежь опирается на собственные ощущения благополучия, при формировании политики удержания и закрепления молодежи в арктических регионах нужно вести мониторинг этих ощущений и проводить мероприятия по повышению качества жизни населения.

7. При развитии общих **управленческих аспектов** молодежной политики необходимо проведение ежегодного мониторинга миграционных намерений молодежи в возрасте 14–30 лет. Прежде всего важно учитывать показатели удовлетворенности жизнью, ориентироваться на поддержку молодежных инициатив в общественной и предпринимательской сферах, вести политику информирования, основанную на принципах прозрачной информационной среды об экономических и социальных возможностях арктических регионов [21].

Список литературы

1. Алиев П.Р. Влияние миграции на трудовой потенциал молодежи региона // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12. С. 54–68.
2. Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5. С. 189–215.
3. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: Перспектива, 2016. 166 с.
4. Кашицкий И.С., Мкртычян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203.
5. Кекконен А.Л., Симакова А.В., Степуть И.С. Особенности пространственного развития и расширенное воспроизводство человеческого капитала в Республике Карелия и арктических регионах Европейского севера России // Мир экономики и управления. Т. 17. 2017. № 2. С. 86–96.
6. Кожурова А.А. Демографическое поведение молодежи регионов северо-востока России // Социальная сфера. 2012. № 16. С. 60–64.
7. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодежь сегодня: образование, профессия, социальное самочувствие // Социальная наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 21–38.
8. Мартыанов В.С. Стратегия городского развития в Арктическом регионе России // ЭКО. 2013. № 5. С. 124–138.
9. Меламед И.И. и др. Арктическая зона России в социально-экономическом развитии страны // Власть. 2015. № 1. С. 5–11.
10. Меньшиков А. Газовая столица: от поселка геологов – до самого перспективного города Ямала // Российская газета. 2015. Спецвыпуск № 140. URL: <https://rg.ru/2015/06/30/reg-urfo/gaz.html> (дата обращения: 22.05.2019).
11. Мкртычян Н.В. Возрастная структура населения России и ее влияние на внутреннюю миграцию // Научные труды: институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. Т. 13. С. 209–221.
12. Мкртычян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 1. С. 225–242.

13. Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития: аналитический доклад / Институт прикладных политических исследований. М., 2016. URL: http://www.arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/monogoroda_AZRF.pdf (дата обращения: 22.05.2019).
14. Моногорода РФ. URL: <http://моногорода.рф/about> (дата обращения: 27.05.2019).
15. Ниворожкина Л.И. Многомерные статистические методы в экономике Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2008. 223 с.
16. Оценка численности постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны России на 1 января 2018 года // Календарь публикации официальной статистической информации о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации в 2019 году. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/calendar1-2019.htm (дата обращения: 23.05.2019).
17. Пилясов А.Н. Контуры Стратегии развития Арктической зоны России // Арктика. Экология и экономика. 2011. № 1. С. 38–47.
18. Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)» // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/70707138/> (дата обращения: 27.05.2019).
19. Рискологическая концепция молодежи Ю.А. Зубок // Социология молодежи: электрон. энциклопедия / под ред. В.А. Лукова. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/99-riskolog-konc.html> (дата обращения: 05.06.2019).
20. Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21.
21. Сигова С.В., Кекконен А.Л., Питухин Е.А. Прозрачная информационная среда рынка труда // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 64–74.
22. Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70547984/#1000> (дата обращения: 27.05.2019).

References

1. Aliev P.R. Vliyanie migracii na trudovoj potencial molodezhi regiona // Sovremennye issledovaniya social'nykh problem. 2012. № 12. S. 54–68.
2. Andreenkova N.V. Sravnitel'nyj analiz udovletvorennosti zhizn'yu i opredelyayushchikh ee faktorov // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2010. № 5. S. 189–215.
3. Zubok Yu.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremenном Rossijskom obshchestve. M.: Perspektiva, 2016. 166 s.
4. Kashnickij I.S., Mkrtychyan N.V., Leshukov O.V. Mezhr regional'naya migraciya molodezhi Rossii: kompleksnyj analiz demograficheskoy statistiki // Voprosy obrazovaniya. 2016. № 3. S. 169–203.
5. Kekkonen A.L., Simakova A.V., Stepus' I.S. Osobennosti prostranstvennogo razvitiya i rasshirennoe proizvodstvo chelovecheskogo kapitala v Respublike Kareliya i arkticheskikh regionakh Evropejskogo severa Rossii // Mir ekonomiki i upravleniya. T. 17. 2017. № 2. S. 86–96.
6. Kozhurova A.A. Demograficheskoe povedenie molodezhi regionov severo-vostoka Rossii // Social'naya sfera. 2012. № 16. S. 60–64.
7. Konstantinovskij D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A. Rabochaya molodezh' segodnya: obrazovanie, professiya, social'noe samochuvstvie // Social'naya nauka i social'naya praktika. 2013. № 2. S. 21–38.
8. Mart'yanov V.S. Strategiya gorodskogo razvitiya v Arkticheskom regione Rossii // EKO. 2013. № 5. S. 124–138.
9. Melamed I.I. i dr. Arkticheskaya zona Rossii v social'no-ekonomicheskom razvitiit strany // Vlast'. 2015. № 1. S. 5–11.
10. Men'shikov A. Gazovaya stolica: ot poselka geologov – do samogo perspektivnogo goroda Yamala // Rossijskaya gazeta. 2015. Specvypusk № 140. URL: <https://rg.ru/2015/06/30/reg-urfo/gaz.html> (дата обращения: 22.05.2019).
11. Mkrtychyan N.V. Vozrastnaya struktura naseleniya Rossii i ee vliyanie na vnutrennyuyu migraciyu // Nauchnye trudy: institut narodnokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN. 2015. T. 13. S. 209–221.
12. Mkrtychyan N.V. Migraciya molodezhi iz malykh gorodov Rossii // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2017. № 1. S. 225–242.

13. Monogoroda Arkticheskoy zony RF: problemy i vozmozhnosti razvitiya: analiticheskij doklad / Institut prikladnykh politicheskikh issledovanij. M., 2016. URL: http://www.arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/monogoroda_AZRF.pdf (data obrashcheniya: 22.05.2019).
14. Monogoroda RF. URL: <http://monogoroda.rf/about> (data obrashcheniya: 27.05.2019).
15. Nivorozhkina L.I. Mnogomernye statisticheskie metody v ekonomike Rostov n/D: Nauka-Spekt, 2008. 223 s.
16. Ocenka chislennosti postoyannogo naseleniya sukhoputnykh territorij Arkticheskoy zony Rossii na 1 yanvarya 2018 goda // Kalendar' publikacii oficial'noj statisticheskoy informacii o social'no-ekonomicheskom razvitii Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii v 2019 godu. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/calendar1-2019.htm (data obrashcheniya: 23.05.2019).
17. Pilyasov A.N. Kontury Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossii // Arktika. Ekologiya i ekonomika. 2011. № 1. S. 38–47.
18. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.07.2014 № 1398-r «O perechne monopofil'nykh municipal'nykh obrazovanij RF (monogorodov)» // Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/70707138/> (data obrashcheniya: 27.05.2019).
19. Riskologicheskaya koncepciya molodezhi Yu.A. Zubok // Sociologiya molodezhi: elektron. enciklopediya / pod red. V.A. Lukova. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/99-riskolog-konc.html> (data obrashcheniya: 05.06.2019).
20. Sannikova O.V. Nekompensiruemaya obrazovatel'naya migraciya kak problema razvitiya rossijskogo regiona // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 24. S. 19–21.
21. Sigova S.V., Kekkonen A.L., Pitukhin E.A. Prozhivaya informacionnaya sreda rynka truda // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2016. № 3. S. 64–74.
22. Ukaz Prezidenta RF ot 02.05.2014 № 296 «O sukhoputnykh territoriyakh Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii» // Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70547984/#1000> (data obrashcheniya: 27.05.2019).

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Симакова А.В. Миграционные намерения молодежи (пост)промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать? // Социальная политика и социология. Т. 18. 2019. № 2 (131). С. 134–144. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Simakova A.V. Migracionnye namereniya molodezhi (post)promyshlennykh monogorodov Arkticheskoy zony Rossii: ostat'sya ili uekhat'? // Social'naya politika i sociologiya. T. 18. 2019. № 2 (131). S. 134–144. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144 (Reference in Roman script).

Simakova, A.V. (2019) Youth Migratory Intentions at (Post) Extractive Arctic Mono-Industrial Cities: Live or Leave?, *Social Policy and Sociology*. Vol. 18. No. 2 (131). P. 134–144. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144 (International bibliographic description).